

Ф О Р У М

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ
“ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ...”
ИНДЕКС: 26260.
НАШ САЙТ: denlit.ru

Из цикла эссе

Прорва

Трудно, почти физически больно писать: как бы ни повернулись события, время речей закончилось, наступило время формул, в которых каждое слово обретает иной, безмерно тяжёлый вес. И в каждое слово начинаешь вглядываться с тревогой и надеждой, ведь оно было и остаётся – в начале всего, и теперь это ощущается более чем реально.

В детстве я слышала от бабушки, неграмотной поволжской крестьянки, страшное слово "прорва". В русском языке оно имеет ряд простых бытовых толкований, зафиксированных в словарях. Однако у бабушки, в

Технология хаоса

глубокой крестьянской традиции смысла, оно восходило к необъятному, тёмному метафизическому значению, в противопоставлении которому я впервые увидела зримые очертания могучего русского Космоса.

Это слово – прорва – собрало вокруг себя огромное количество сакральных понятий с противоположным знаком и сделало происходящее в духовной сфере зримым, осязаемым, очевидным понятным. Так возник противопоставленный прорве образ – образ многослойной и многоцветной ткани бытия, нити, переплетения и скрепляющие узлы которой держат нас над бездной хаоса (надо бы писать здесь слово "хаос" с большой буквы, отделяя его от бытового беспорядка, но не поднимается на это рука). Так возникло понимание долга человека перед жизнью – беречь эту ткань, ткать её нити и шпатель прорехи, через которые дышит пламя.

Ткани жизни духовворны и рукотворны. Над ними – непостижимые горние пространства, под ними – та страшная, дышащая огнём и тьмой бездна, куда в последнее время человек заглядывается всё чаще и пристальней, и постепенно теряет себя. Ткань бытия ткётся, уплотняется, вышивается цветами и орнаментами – но и истончается, ветшает, рвётся – и в прорву начинает дышать хаос.

Это ведь о ней, о прорве, о завораживающем и увлекающем на погибель зрелище нечеловеческого мира писал Пушкин многократно перетолкованное литературоведами:

*Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.
Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслаждения –
Бессмертья, может быть, залог!*

Мы взяли из его никак не маленькой трагедии только уже ставшее общим местом название "Пир во время чумы", а Пушкин видел много глубже, и предупреждение дал на все времена, в том числе и на нынешние.

В чём же Вальсингам наивно увидел "бессмертья, может быть, залог"? В той самой энергии хаоса, которая зачаровывает и на короткое время дарит иллюзию могущества, а на самом деле обрушивает, сжигает дотла и рассеивает по ветру пепел, но перед этим непременно обещает всевластием, разрывая все живые нити, соединяющие человека с миром людей, туманит разум, чувства и даже нормальные ощущения: вместо тепла человеку вдруг становится нужно пламя, вместо солнечного света – яростные вспышки, вместо речи и музыки – рёв и грохот. Она очень притягательна, эта энергия – потому что обольщение ослепляет и оглушает, минутное могущество завораживает, а плата за неё "на входе" никак не обозначена, хотя известно от века: в итоге у человека отнимается всё.

И беда в том, что завораживает хаос не только разрушителей: он завораживает всех, кто хотя бы в малой мере лишён опыта самостояния. Я не говорю о тех, кто сегодня то и дело срывается на истерический крик в бесконечных спорах "за" и "против" – они уже на краю прорвы, – но о тех, кто молча заверожённо следит за развитием событий, источая и ослабляя свою собственную душу бесконечными пережи-

ваниями, понимая (или желая думать именно так), что от его участия-участия в принципе не зависит ничего. Или наоборот (другая крайность) – начинает рассылать слова, полагая, что это и есть непрменная его обязанность участия в происходящих событиях. И тоже растрачивает душевно – а на эту массовую трудновосполнимую растрату как раз и делается ставка.

Ведь информационные войны рассчитаны не столько на переубеждение, сколько на банальное истощение человеческого ресурса самостояния и культуры. Не случайно ведь общественное сознание целенаправленно расшатывают именно осенью и весной, когда массовая его составляющая наиболее уязвима в силу объективных причин: обольщают открытием желтушных "тайн", подпитывают грядущими ужасами, внушают полуправду и наконец только в финале взывают к разуму – перегруженному, сбито, растерянному... Как

тут не потянуться к стихийной силе, как не поддаётся ураганной ненависти и желанию самолично навести в мире свой собственный порядок...

Пушкин оставляет финал открытым. Романтики вслед за Вальсингамом дружно затягивают гимн чуме, то есть в простоте душевной воспевают стихию хаоса, возторгаясь его могучей слепой энергией; моралисты толкуют о неуместности пира в условиях социокультурного и геополитического кризиса, прагматики ловят рыбку, пока вода мутна, и чем мутнее, тем луч-

ше; но кто осмелится воочию увидеть и сознательно осмыслить бездну, уже очевидно огром дышащую в распахивающейся прорве?

Кто посмеет понять открыто и прямо, сколько безмерного труда потребуются, чтобы закрыть эту бездну, протянуть через неё спасительные нити человеческих чувств, слов и дел, сколько личным придётся пожертвовать, чтобы исцелить общую ткань жизни, сделать её спасительно прочной – для других теперь уже поколений?

Помните – Вальсингам в последний момент, после слов священника, остаётся "погружённый в глубокую задумчивость"? А ведь и правда – так ли просто опомниться и сделать выбор между могучей энергией хаоса, рвущейся в прорехи бытия, и очевидной слабостью одинокого личного противостояния безумству стихии?

Но дело только в этом. Вопреки всем сомнениям, бывает достаточно поступка, жеста, слова – самостоятельного, человеческого – чтобы хаос начал отступать. И как бы ни казалась чудовищно могущественной его сила – именно человек выпускает её на свободу или заточает обратно в бездну. В этом смысле каждый из нас – ключ и замок.

Не обобщаясь ни ужасом, ни восторгом, не вовлекаясь в водовороты гибельной стихии, образовавшуюся прорву предстоит закрывать каждому – всей мерой своих человеческих сил. Да, душа надрывается на непосильном. И намеренно надрыают её – непосильным. И опять я обращаюсь к опыту своего рода – я, горожанин во втором поколении, вспоминаю спасительную крестьянскую мудрость: делай пед Богом то, что ты можешь сделать, и оставь на волю Божию то, что тебе неподвластно. И кланяюсь роду и народу своему за эту мудрость.

Это ключ и замок для хаоса. Здесь побеждает именно самостояние. Неважно, какой мерой духовной силы ты наделён – большой или малой, важно другое: ты её чувствуешь и понимаешь, что можешь сделать именно ты.

Ведь хаос всегда присутствует в нор-

мальной жизни. И всегда начинает прорываться точно. И всегда стремится нарушить необходимую для нормальной жизни меру своего присутствия – в свою же пользу. И оправдать себя жизненной необходимостью. Но когда мера хаоса приближается к опасной черте – каждая, даже самая тонкая нить в ткани бытия становится главной, несущей человеческое над адской прорвой.

Этот подвиг никогда не бывает одиночным. Он под силу только целому народу, имеющему волю к жизни, хранящему не просто культуру и хозяйственный уклад, но цельный, неделимый Космос своего бытия. О героях лживых американских киномифов, о тех, кто лихо спасает мир в одиночку, пора прочно забыть – нет у этой молодой культуры совокупного метафизического опыта бытия, есть авантюризм исторический и мистический, дерзко рвущий и жгущий сотканное другими за века и тысячелетия.

Есть и достаточно старые культуры, отягощённые не только опытом, но и каждой всевластия, и неизбежной оборотной его стороной – тайной волей к смерти. Их метафизический опыт обременён вирусом самоуничтожения, но они способны легко вовлечь в свои гибельные коллизии всё человеческое сообщество.

То, что технологии хаоса сегодня взяты на вооружение устроителями нового миропорядка, – чудовищная гибельная авантюра, и даже не потому, что кем-то по какому-то праву присваивается право решать судьбы народов и культур (хотя и это, конечно, тот ещё вопрос), а потому, что хаос неуправляем в принципе.

Уже и сами экспериментаторы видят, что его не удаётся контролировать: там, где ткань жизни достаточно прочна, её приходится взрывать и жечь, но чаемый новый порядок установится не удаётся – в конце концов волей-неволей приходится и самим включаться в борьбу со всепожирающим хаосом. Там, где процессы разлада и распада долго и тщательно готовятся и целенаправленно запускаются, они идут опережающими замысел темпами, и всё равно всё стремительно выходит из-под контроля и приводит в непредсказуемые тупики и пропасти.

Управляемый хаос – смертельная иллюзия, расчёт беглый и поверхностный, с последствиями неизбежными и скорыми.

Но снова возвращаемся к главному – мере душевных сил каждого, кто хочет жить и служить жизни. Не надо заглядывать в пылающие прорвы – там нет человеческого, там всё многократно превышает человеческую меру сил и потому может погубить стремительно и безвозвратно.

Те, кому дано провидеть эти бездны, испытывают не истерический восторг пушкинского Вальсингама, а глубокую скорбь Священника, вызывающего к самому дорогому – родственным кровным узам, священному образу матери:

*Иль думаешь, она теперь не плачет,
Не плачет горько в самых небесах,
Взирая на пирующего сына,
В пиру разврата, слыша голос твой,
Поющих бешеные песни, между
Молбы святой и тяжких воздыханий?
Ступай за мной!*

Вот это, кровное: мать, Родина... Это не даёт забыть и пропасть, это нужно беречь в себе и защищать. Потому что это – человеческое, а не сверхчеловеческое или выхолощено-демагогическое. Потому что по этим нитям рода, народа, родины течёт чистая энергия нашей жизни, из них ткётся ткань, отдающая от тёмной бездны, и в соотнесении со своим личным чувством возникает понимание чувств другого человека – так прорва медленно затягивается, и жизнь возвращается на круги своя.

Всё это относится не только к мучительной ситуации на Украине, где живут мои равно родные украинские и русские близкие люди, но и к общему состоянию пространства, к чудовищной смуте, которую уже давно и целенаправленно сеют в душах и головах, истончая ткань жизни до прозрачного. А где тонко – там и рвётся.

И не дай Бог на слова пушкинского Священника "Пойдём, пойдем..." услышать ответ: "Отче мой, ради бога, ... Оставь меня!". Тогда останется только скорбно повторять: "Спаси тебя Господь! Прости, мой сын!"...

Илл.: Александр Трофимов в роли Вальсингама (к/ф "Пир во время чумы")

Сразу оговорюсь: никогда не обратила бы на них внимание, если бы они навязчиво не напомнили о себе.

В последний раз в библиотеке в горячке взяла аж две книги подобного сорта, хотя к сортавым они однозначно не относятся. На кого "на них"? На лауреатов "Русского Букера" и "Большой Книги". Одну прочитала довольно легко ("Планета грибов" Елены Чижовой), а другую – заставила себя прочитать, хотя отвращение появилось с первой (!) страницы, т.к. привыкла выискивать смысл хотя бы на последних страницах, если автор не удосужился постепенно его (смысл) раскрыть по ходу повествования ("Хирург" Марины Степновой). Почему взялась всё-таки за эту статью, хотя времени и так не хватает на собственное творчество, а тут – писать о книгах, прочи-

Как написать "Русский Букер"...

тать которые я не рекомендую никому? Даже в качестве дорожного необременительного чтыва, потому что заявлены она как книги серьёзные, с намерением со временем стать классикой.

Я не брала бы внимания на пометку на томике Чижовой "Пауэр премии "Русский Букер", если бы в названии не было слова "грибы", а я – страстный грибник, интрига для меня лично – налицо, и на обложке не было фрагментов картины уважаемого мною с юности Иеронима Босха... В аннотации к "Грибам" сказано прямо: "Но что делать, если связь с родительским домом принимает болезненные формы? Не лучше ли её разорвать, тем самым изменив свою жизнь?". Болезненные во всех смыслах – этого автор не скрывает, и действует как грамотный хирург, – отсекает мёртвую ткань. Или как большевики, – разрушает до основания, а затем... Но повольте, упоминание большевиков здесь более чем неуместно, ведь главные герои романа всеми силами борются со своим проклятым коммунистическим прошлым, в том числе и такими смехотворными методами, как разбивая родительский фарфор, жгут кулями титульные листы из отцовской книги, на которых есть посвящения друзьям почившего автора, т.е. отца героини (хотя главный герой считает его отличным писателем, а его книгу – лучшей из лучших)... В этом, видимо, и заключён главный конфликт книги – отсутствие консенсуса между современными Адамом и Евой, пытающимися за шесть дней творения обрести себя и освоиться в стремительно меняющейся действительности. Болезненность делает человека непредсказуемым, он теряет критическое отношение, в первую очередь, к самому себе, а это, в свою очередь, открывает широкую дорогу всяческим проявлениям этой самой болезненности, которые людьми, даже относительно здоровыми, воспринимаются как болезнь и сочувствия не вызывают. Оттого Чижовой необходим некоторый хаос, непреодоленный ещё Втором, пока действие не приближится к финалу. Что ж, можно назвать это авторской находкой. На книге есть пометки "Редакция Елены Шубиной" и "16". К стыду своему, не знаю, кто такая Елена Шубина; будь она известным и грамотнейшим редактором на самом деле, она не пропустила бы такую сомнительную рукопись в публикации, и её имя стало широко известно и почитаемо в литературных кругах и без упоминания на обложках... Хорошей книге – хороший редактор, как говорится. Если же это – тонкий намёк на то, что рукопись нуждалась в дополнительной редакции, – возникают опасения, а что не так с автором? Не довела ли его болезненность в процессе отрывания от родительской грибницы в места, недоступные для людей не болезненных?

Хорошо, опустим это и не станем обращать внимание. Для меня главное было – понять: причём здесь грибы? Автор заявляет, что её повествование укладывается в те самые шесть дней, за которые Бог создал мир и всё сущее в нём. Это серьёзная заявка на качество книги во всех отношениях и дополнительная интрига. Ожидания грандиозные! Но де-факто производство оказывается убыточным и на выходе... на выходе выходит только пустой выхлоп. Он оказывается не более значимым, чем выхлоп иномарки главной героини, которой так не везёт за эти шесть дней, что её становится действительно жаль, по-человечески, от души. Это – главный бонус в апологии автора, когда речь зайдёт о моральных и этических качествах его самого. Судите сами: сначала героиня страдает несварением желудка после поглощения внушительной порции (весь пень облепили) молодыхеньких опять собранных в девственных лесах дачного посёлка, где её родители оставили ей участок, который она намерена срочно продать. Видите, аппетит у неё изначально заведен; это позднее сваренные опять кажутся её опарышами, блевотной массой, и ещё чем-то отвратительным – по мере обнаружения ненависти к родительской грибнице... Изначально всё было здорово и здорово. Затем переживает ураган, бесшумный, но от этого не менее разрушительный: хамство соседа по даче, который когда-то был в неё влюблён; угрызения совести от акта вандализма, учинённого скорее по недомыслию, чем по злобе (разбила фарфоровые родительские статуэтки); и, в конце концов, гибнет на трассе по пути в столицу, а в дальней перспективе, – по пути в Италию, подальше от невыносимой грибницы. Причём тут грибы, спросите вы? Не причём. С тем же успехом героиня могла отравиться несвежими пирогами в придорожном ка-

фе и всё оставшееся книжное романное время с ненавистью убежать от родительской опары или блевануть в результате незапланированной беременности в сорок семь лет и последние часы жизни ненавидеть всех мужчин, как причину беременности, и всех детей – как её следствие...

Братся писать в духе "а-ля Букер" – большой риск: писатель должен быть точно уверен, что это дело – ему по плечу, т.е. быть несомненным мастером своего дела, потому что, недобрав мастерства, нельзя браться за соцказак, а "Букер" – неприкрытый соцказак, или быть настолько легкомысленным (синонимы на усмотрение: "молодым", "неопытным", "дерзким", "глупым", "нахальным", "беспринципным", "всезнающим"), чтобы угодить в шорт-лист этой премии (намеренно или ненамеренно) и не

чем, но вроде успешно, то ли дизайнерскую контору. И сам он человек холостой – с женой разошёлся так давно, что не верится ему, что когда-то был женат. А много ли одному мужчине надо? Есть вода, кое-какая посуда, чердак с пишущей машинкой, дрова на зиму, даже ванная – родители позаботились. И мыслишки мелкают: не осесть ли здесь навсегда, сдав или продав городскую квартиру? Замок вот только... И он снова подглядывает за соседкой, а она как раз голая разду-

Юлия БУТАКОВА

мывает выскочить в темноту (не помню, по какой нужде)... Невозможно, совсем не по-букеровски. Снова – бонус автору. Тут бы их свести да выжать из сюжета по максимуму. Но автор снова чуть не попадает в вопрос: нельзя женщине, жестоко и бескомпромиссно отрицавшей родительскую грибницу (вот даже жареные опята организм отверг), вкусившей все прелести и достижения западной демократии, связать свою судьбу с пролетариатом, хотя и интеллигентной профессии. Забегая вперёд, упомяну, что под занавес героиня незаметно ускользает из-под раздвинутого пера автора и успевает перескочить с поганцем и даже забеременеть от него. Однако Чижова спохватывается и, как Лермонтов Печерина, отправляет нахалку на верную гибель. Так тебе! Потребности способности художественную правду толкает Чижову на правильную тропу, но требования кураторов "Букера" настойчиво отворачивают от привычного (допускаю этот вариант) её пути и толкают на противоположный, неприглядный, дикий и (тоже допускаю) – неприемлемый. Чижова держит неубедительный нейтралитет и, в конце концов, пасуя перед собственной совестью, убивает героиню, а такой финал, я подозреваю, вполне устраивает и членов жюри, и читателей. Читатели любят мелодраму, а жюри даёт Чижовой последний шанс реабилитировать себя в их глазах. Кара, настигающая сорвавшуюся с авторского крючка, жертву – лишний повод утешить и читателя, пусть знает, что бывает с теми, кто тоскует по старой России! Но я думаю, что Букер со временем отомрёт, но не уверена, по какой причине быстрее: от того ли, что закончатся деньги у его спонсора, от того ли, что его когда-то восторженные без меры адепты накушаются так западных благ и перестанут трепетать перед заграничными леблями, тем паче что леблы зачастую – китайские... Финалисты Букера и все те, кто играет в эту игру, – до сих пор болезненно переживают заграничное изобилие, насильно привитое на земле предков, в виде кожаных сумочек от Гуччи. Как-то так.

Конечно, сваливать надо из этой страны, где дни калекли умственных и дистрофики. Они всюду: на дорогах, в дачном посёлке, на автозаправках, в магазинах. Они довольствуются красивыми майками, отнюдь не от кутюр, убогими торшерами, воняющими их так и не победившим социализмом, непотребным общепитовским фарфором, вскормившим не одно поколение дистрофики, стихийными рынками, на котором продаётся всё, что нужно вчерашнему "совку": от агрилы до мифических сегментов и пальцев... Кустсамера какая-то; и все пытаются жить, как в каменном веке, – изобретая необходимые из подручных материалов, а ведь чего проще – купить всё в магазине, как цивилизованные люди делают... Героине невдомёк, что народ, кормящийся весь остальной мир, не может жить достойно по причине своей нищеты (кроме его руководства с кожными кейсами от Гуччи под мышками).

Да, забыла я о той фантастической ахинеи, которую переводит главный герой, и которая призвана, по замыслу автора, сыграть какую-то роль в повествовании. Аморфные инопланетные существа со множеством щупалец, путешествующие по Галактике в поисках разумных обитателей на других планетах, собираются до Земли... Не совсем понимаю, зачем на сцене обнаруживается этот задник, но риску предположить, зачем он, воспользовавшись цитатой капитана корабля. После приземления летающей тарелки, капитан, скоропальненько пробежав по непролазной нашей грязи и испачкав щупальца, безразлично вытирает их и рассуждает: "...увиденное на земле – не более чем эффективная современная инсталляция, ничего сенсационного и в терминах истории Вселенной – не более чем очередной эксперимент, из тех, что имели все шансы стать великими, однако становятся архивной папкой в ряду прочих неудач, каждая из которых не опровергает первоначальный божий замысел, но вносит в него некоторые коррективы". Возможно, в уста капитана были вложены размышления автора о судьбах тех, кто не сумел или не захотел оторваться от родительской грибницы, в результате чего Землю заполнили гигантские безмозглые грибы. Но мне хочется обратить речь капитана к тем, кто его послал: "Уважаемые финалисты, лауреаты "Русского Букера", не опровергайте, пожалуйста, первоначальный замысел, ведь грибы (т.е. родительская грибница) – неискоренимы, вечны и гораздо ближе к замыслу божьему, чем некоторые люди... со множеством щупалец. Спасибо за внимание".

С г-жой Степновой всё сложнее, посему о ней – на сайте denlit.ru

Памяти Александра Дорина

Десять лет, как не стало Александра Борисовича Дорина – прекрасного лирического поэта, с мягким юмором, доброй душой. У Александра были необыкновенные глаза – запоминающиеся: большие, карие, бархатные, то вдруг печально темнеющие, то озаряющиеся мягким светом улыбки. Он часто приезжал из столицы в Коломну, вернее, в село Лукерьино, в гости к по-

*Живёт любовь, нелепая такая...
И, Господи, ведь не её ж вина
Быть преданной, поруганной...
... спасённой,
... лишь в чистоте и верности кланьясь,
Она, впитавшая иных времён каноны,
С реальностью утрачивает связь.*

В 2004 году Александр Дорин редактировал, готовил к печати книгу стихов нашего коломенского автора Татьяны Баш-

*Излечит чью-то боль
Мой тяжкий, верный стих,
Но я уже уйду
... тревожной пылью звёздной..*

*... Я хочу, чтоб меня помянули враги
За открытый удар,
... а не крадучись – в спину.*

*И слова,
что гранитным надгробьем легли:
"Он прожил настоящим мужчиной".*

*И ушёл не с тоски, не башкой в полынью,
Не в больничной палате,
... пропахшей эфиром, –
На посту, в странным гневом,
... в жестоком бою,*

*Хриплоту грудью объяв
... все волнения мира...
Я хочу, чтоб меня помянули друзья,
Вы – стена-монолог,
... не доскою-прорехой...
Не трухой причитаний,
... бессызых молитв,
А в чьих судьбах – моя –
... кровной вписана вехой.*

*Я хочу, чтобы Родина
... каплей скупой,
Каплей памяти,
... каплей живой, родниковой,
Окропила мой путь...
... Путеводной звездой
Ты вела по тропе
... в дебрях русского Слова.*

Александр очень любил путешествия, поездки, общение с интересными людьми. Старался бывать на всех литературных праздниках. Часто ездил в Вологду, в рубцовские места.

В одной из поездок не выдержало сердце.

Виктор МЕЛЬНИКОВ

На снимке: Александр Дорин читает свои стихи

кировой "По обе стороны времён" (серия "Коломенский книгочей" – приложение к "Коломенскому альманаху"). Причём делал это совершенно безвозмездно.

Уже посмертно, в 2011 году, в "Коломенском альманахе" № 15 вышла подборка стихов, подготовленная Александром Борисовичем Дориным, – "Стихи, пришедшие с войны" – 32 автора. Подборка была более обширной, но, в целях экономии места, пришлось сократить её.

Александр Дорин будто предчувствовал свою скорую гибель. В книге, изданной в 1997 году вместе с женой, поэтессой На-

тальей Рожковой, есть такие стихи:
*Наверное, и мы опущен
... светлый миг...*

*Я знаю, он придёт –
Быть может, слишком поздно.*

Я хочу, чтоб меня помянули друзья...

эту Вадиму Квашнину, своему другу. Он посвятил Вадиму стихи:

*Как поеду я в Лукерьино,
Поживу чуток поверьями.
Глянь, душа моя на вынос вся –
С дорогим дружкой обнимемся!
Ведь не виделись с полгода мы,
Будто уж совсем не родные.*

*Ты хозяйка, свет-Надюшенька,
Не сердчай, а дай откупать нам.*

*Эх ты, чарочка бедовая,
Наша реченька еловая,
Под груздочки, да под хрусткие,
Про житьё-бытьё про русское...
Да с ружьишком прозугаемся,
Погорохочем-позабавимся,
Распузгаем – эки сволочи! –
Мы слободки переплечём.
И ещё рванём по присто мы
С корешами трактористами.
Да затянем песнь тягучую
Про погибелю неминующую...*

*Сколько ж было там заведено
У Вадима да у Квашнина.*

*А поеду из Лукерьино,
Привечаю я лужу с перьями!*

В 2003 году в седьмом выпуске "Коломенского альманаха" вышла подборка стихов Александра Дорина "Я Вас люблю..." – восемь стихотворений. Стихи о любви у него – необыкновенно лиричные, запоминающиеся.

*В моём пространстве, не подозревая
Тех сил небесных, нежностью полна,*